

C. HIGNETT, *A History of the Athenian Constitution to the End of the Fifth Century B. C.*, Oxford, 1952.

В своем исследовании автор, по его словам, стремился дать исследование государственного строя Афин в его историческом развитии, и такая цель обуславливалась статичностью наших представлений, отражающих почти исключительно политический строй афинской демократии IV века. Ввиду такого утверждения автора следует сказать, что обширнейшая специальная литература, появившаяся в 90-х годах прошлого века в связи с открытием «Афинской политики», трактовала главным образом историческую часть «Афинской политики» и давала, вследствие этого, именно историю государственного строя Афин до конца V в.; особенно это относится к скептическому направлению этой литературы (Якоби, Де Санктис, Кейль и др.). Исследование Хинета примыкает к этому скептическому направлению, в известной мере его развивая.

Книга начинается со сравнительно краткого (1—32 стр.) источниковедческого введения, в котором прослеживается «литературная традиция», начиная с элегий Солона и до «Афинской политики», причем этой последней уделено всего 2½ страницы. Эту последнюю автор характеризует как анонимный документ, в основном дающий олигархическую интерпретацию афинской истории, в частности отражающий историко-политический трактат неизвестного олигарха времени переворота 411 г. Наряду с этим Хинет справедливо находит в «Афинской политике» и отражение демократических построений истории Афин.

Призывая эти указания автора на отражение политической борьбы в исторических построениях в Греции V—IV веков ценными, не могу не согласиться с автором в характеристике версии о Солоне как создателе всех государственных учреждений Афин, как версии демократической; эта версия, как указывает сам автор, содержит представление о *πάτριος πολιτεία*. По Хинету, понятие *πάτριος πολιτεία* выдвигалось как олигархами, так и демократами, причем содержание этого понятия было соответственно различным. Однако следует подчеркнуть, что по крайней мере в V в. *πάτριος πολιτεία* была лозунгом олигархов; да и в IV в. мы не встречаем этого лозунга в политической литературе демократии, тогда как у Исократы и, что важнее, у Аристотеля представления о *πάτριος πολιτεία* носят антидемократический характер. Хинет указывает и на другой след социально-политического мировоззрения «радикальной» демократии: «Афинской политики», именно — на положительную оценку того, что Солон якобы провел кассацию долгов. Но такое безоговорочное приписывание эллинской демократии, пусть даже «радикальной», идеологии

γῆς ἀνάγκης καὶ χρῆσιν ἀποκοπῆν при настоящем состоянии наших знаний по меньшей мере не обосновано. Подлинно научному изучению этот лозунг и его связь с развитием социальной идеологии рабовладельческой демократии не подвергались (я полагаю, что здесь нет необходимости останавливаться на работе Пельмапа и ей подобных).

Сам Хинет заявляет, — и это весьма ценное заявление, — что если происхождение олигархической версии достаточно ясно, то версия демократическая и ее идеологические связи в данное, по крайней мере, время окутаны тайной. Это утверждение и указания на борьбу олигархической и демократической идеологии в V в. являются ценнейшей чертой рассматриваемой книги, несмотря на всю спорность общих выводов автора.

Обоснованной и правильной следует признать высокую оценку автором Геродота как источника для внутривагитической истории Афин, особенно для периода 510—480 гг., и прежде всего для истории реформы Клисфена. Любопытно в связи с этим отметить, что Хинет отрицает ценность как раз тех сообщений «Афинской политики», которые признавались в литературе 90-х годов прошлого века наибольшим вкладом в наше знание истории Афин. Весьма правильно автор сосредоточивает внимание на следах афинского законодательного кодекса, созданного между 410 и 401 гг. В результате углубленного исследования традиции о законах Солона автор приходит к интересному выводу, что кодекс 410—401 гг. рассматривался в IV в. как законы Солона, под которыми понимали только кодекс гражданского права. Однако автор находит под определяющим влиянием «Политики» Аристотеля и поэтому стремится находить в этом кодексе, как и вообще в политическом строе Афин, аристотелевы категории, более или менее законченную «политику» как положительную кульминацию этого строя. Согласно с Аристотелем, автор сосредоточивает внимание, например, на порядке замещения государственных должностей — по жребию или по выбору, или частично по жребию, частично по выбору; автор не замечает, что этим он начинает смотреть на афинскую демократию через призму олигархической теории.

Глава вторая книги характеризует древнейшее прошлое Атики. В этом прошлом подчеркивается ее политическая раздробленность, окончательно преодолеть которую удалось, по мнению автора, только Писистрату. Однако наряду с этим автор традиционным образом изображает сильную власть афинских царей, частично подчиняющих себе местных династов. Еще Энгельс указывал на то, что вряд ли афинских басилеев можно наделять монархической властью. Подчеркиваемая Хинетом раздробленность Атики, которую следует связывать с процессом разложения родового строя, отсутствие археологических данных о резиденциях монархов и ряд других соображений заставляют решительно отвергнуть традиционное утверждение о царской власти, подчинявшей себе древнейшую Атику. Да и у самого Хинета довольно непоследовательно эти «монархи» без всякой борьбы устранились аристократией, причем о народной массе автор не упоминает, и вообще ничего не говорит о структуре аттического общества.

В главе третьей — «Аристократическое государство» автор трактует вопрос, который следовало бы выдвинуть в первой главе, — вопрос о структуре аттического общества в древнейший отраженный в литературных источниках период. Проблему происхождения аттических фил, фратрий, родов, филсов автор пытается решить тем же путем, что и подавляющее большинство историков прошлого века, т. е. прагматизируя материал преданий и мифов. Однако автор отказывается решить вопрос о происхождении фил, склоняясь вместе с тем к пониманию их как чисто территориальных организаций. Более решительно трактуются фратрии — как добровольные объединения друзей по оружию у Гомера: в мирное время это были объединения соседей для взаимопомощи в защите жизни и имущества; позднее эти объединения стали наследственными и стали называться фратриями. Роды, по Хинету, возникли еще позднее, как объединения знатных семей. Но все эти построения не опираются, конечно, на данные первоисточников; гомеровские *εταῖροι* сопоставляются с *εταῖρεία* Горпинской надписи, а отсюда *εταῖ* делаются основателями фратрий. Не говоря уже о некоторой произвольности сопоставления социальной терминологии у Гомера с терминологией

Горгинской надписи, Хинет не пытается показать, каким образом позднее фратрия делается объединением родов, как она характеризуется в «Афинской политике».

Таким образом, в социальную характеристику древнейшей Аттики Хинет не вносит ничего нового, не пытается интерпретировать скудные данные источников при помощи общих законов развития человеческого общества, что пытался, однако, в свое время делать еще Бахофен. Это тем досаднее, что в данной главе имеются интересные наблюдения о крупной роли фратрии в общественно-политической жизни Аттики классического периода, тогда как роды почти совсем незаметны, что в значительной степени относится и к гомеровскому обществу. Основным методологическим пороком автора является полная неопределенность у него понятия государства вообще, государства в античной Греции в частности. Неизбежным следствием этого и является трактовка автором развития афинского государства как результата деятельности отдельных законодателей, при полном почти игнорировании народных масс. Пережитки догосударственных отношений трактуются так же, как и проявления развития классового общества и государства. Поэтому навкратрии, например, рассматриваются автором как локальные объединения плательщиков налогов и вместе с тем являются для него исконным, древнейшим учреждением Аттики. Однако Хинет чувствует противоречивость такой трактовки и в заключение заявляет, что вопрос о навкратриях остается для него не решенным.

Глава четвертая посвящена Солону, который рассматривается как представитель эпохи ранней тирании, наступившей в Аттике с запозданием. Реформа Солона трактуется как результат выступления «обезземеленных крестьян», с одной стороны, не находящейся у власти части знати — с другой. Власть была в руках олигархической кучки эвпатридов, отнюдь не обнимавшей, по Хинету, всех знатных родов Аттики; при этом опять-таки подчеркивается политическая расчлененность Аттики, наличие многих местных династий, враждебных аттическим эвпатридам. Власть эвпатридов автор квалифицирует по Аристотелю понятием *δυναστεία*; реформа Солона характеризуется как весьма умеренная, не произведшая никаких радикальных изменений в общественно-политических отношениях. С одной стороны, в Аттике сохранилась значительная часть не обезземеленных «свободных держателей» (free holders), на которых опирался Солон; с другой стороны, его поддерживала часть знати и богатых людей; гектеморам и проданным за долги в рабство Хинет не уделяет почти никакого внимания, упоминая вскользь, что они требовали передела земли и кассации долгов как до реформы, так и после нее. Таким образом, Солон, по Хинету, устранил «двухнастейю», уточнил функции существовавших государственных органов, главным образом ареопага и эклесии, не вводя никаких новых. Но при этом, вскользь добавляет автор, Солон изменил их состав, «заменив права рождения правами богатства». Реформа Солона, утверждает Хинет, имела в виду прежде всего урегулирование положения земельных собственников, в первую очередь, знати в целом; что касается представителей движимого богатства в торгово-ремесленном слое, то в начале VI в. в Аттике таковых еще почти не существовало. Хинет подчеркивает, что представление о Солоне, как основателе позднейшей демократии, было тенденциозно сконструировано в политической литературе IV века. В этом стремлении автора лишить выступление Солона его действительного значения, как некоторого исторического рубежа, бросаются в глаза внутренние противоречия; автор делает Солона представителем раннегреческой тирании, которую сам автор правильно связывает с развитием торгово-ремесленного элемента; однако, с другой стороны, приписывает гектеморам лозунги городских низов Греции IV—III веков (передел земли и кассация долгов), что противоречит его утверждению об отсутствии во времена Солона представителей городского богатства. Еще более противоречит это самой критике Хинетом традиции в «Афинской политике» о Солоне; если образ Солона — основателя демократии создан политической литературой IV века, что, впрочем, вряд ли можно утверждать безоговорочно, то тем более несомненен анахронизм перенесения, вслед за Аристотелем, лозунга передела земли и кассации долгов во времена Солона. Это тем более неправомерно, что автор считает положение

земледельческой массы не столь тяжелым, как это принято изображать на основании «Афинской политики». Автор приводит блестящие доказательства того, что в традицию о Солоне включен ряд позднейших вымыслов, а также совершенно правильно указывает, что Солон не издавал никакой специальной «конституции». Затусшевая введение Солоном ценового строя, автор вместе с тем придает этому строю исключительно важное значение в дальнейшем социальном и политическом развитии Атики. Для автора этот ценовой строй является здоровой основой развития рабовладельческой демократии не только в VI, но и в течение всего V века. Между тем с этим утверждением, широко распространенным в историографии, совершенно невозможно связать политическое мировоззрение рабовладельческой демократии, основой которого является представление об абсолютном политическом равенстве свободных граждан. Наконец, Хинет тщательно затусшевает «сисахфию», но вместе с тем он хочет изменить датировку реформы, относя ее к концу 70-х годов VI века. Таким образом, он отвергает последовательность событий в «Афинской политике», хотя сами события признает достоверными, т. е. реформе, по Хинету, предшествовала острейшая социально-политическая борьба. На каком же основании тогда автор замалчивает столь важные сообщения о сисахии, подтверждаемые элегиями Солона? Стараясь критически подойти к традиции о Солоне, автор вместе с тем не делает должных выводов из своего главного положения о том, что традиция в сильнейшей степени отражает политическую литературу конца V века.

Глава пятая — «От Солона до Клисфена» посвящена афинской тирании, которой автор совершенно правильно придает очень большое значение, трактуя ее интересно и оригинально. Во-первых, Писистрат является для Хинета прежде всего подлинным объединителем Атики. Далее, Писистрата поддерживала часть знати (филаиды) и связанные с ней «гиперакрии», которых автор трактует как население восточной Атики (Браврон) и к которым примкнуло недовольное реформами Солона беднейшее сельское население, лишенное гражданских прав. Писистрат заставил двястов подчиниться общегреческой административно-судебной системе демонов, которую он создал. Только Писистрат предоставил полностью гражданские права фетам, не обладавшим земельной собственностью, распределил их по фратриям и создал предпосылки для перехода от аристократического государства к демократии. Весьма интересна догадка Хинета, что прообразом Тезея в «Умоляющих» Эврипида является Писистрат.

В изображении реформы Клисфена (гл. VI) автор резко критикует «Афинскую политику», пытаясь главным образом опереться на Геродота. Хинет указывает, что в политической литературе IV века отсутствует традиция об этой реформе. Оценивая реорганизацию фил, Хинет лишь скользь замечает, что эта реорганизация подрывала значение знати, подчеркивая в то же время сохранность ранее существовавших общественных отношений. Реформа изображается Хинетом как идеал умеренных олигархов конца V века, и в этом отношении клисфенова конституция для автора является идентичной (identical) солоновской, т. е. она также обеспечивала интересы землевладельческой знати. Сам автор, впрочем, правильно подчеркивает, что ни Солон, ни Клисфен никакой «конституции», в смысле единовременного письменного акта, устанавливающего основы государственного строя, не издавали. Хинет даже несколько склонен сомневаться в том, что демократический совет пятисот был создан Клисфеном. При Клисфене этот совет носил скорее консервативный характер, так как избирался якобы на основе солоновского ценза, имущественного и земельного и, в известной мере, ограничивал права еклесии. В остальном старые государственные органы, особенно ареопаг, как это подчеркивает Хинет, продолжали сохранять свой авторитет. Что касается коллегии стратегов и остракизма, то эти учреждения возникли только в реформах 487—486 г., которым автор соответственно и придает очень большое значение.

Таким образом, реформы Клисфена не были, по Хинету, ни в какой мере разрывом с прошлым; новый строй десяти фил не внес никаких коренных изменений в политический строй. Так же, как в реформе Солона, Хинет и в реформе Клисфена отказывается видеть победу в борьбе за новую политическую надстройку, рубеж в развитии атического рабовладельческого государства. Между тем Геродот, глав-

ный источник Хинета, излагает выступление Клисфена именно как несомненный исторический рубеж; автору следовало бы гораздо глубже проанализировать источники «Афинской политики», а не ограничиваться неопределенным указанием на отсутствие традиции о Клисфене в литературе IV века.

В седьмой главе, самой большой в книге, характеризуется период «от Клисфена до Эфиальта», как время наивысшего развития политической роли афинской знати и вместе с тем как «зенит славы Афин».

В эти десятилетия господства «демократии голплитов» конституция Клисфена получила дальнейшее развитие и укрепление в реформах 501/500 и 487/86 гг. Наивысшей точки политическое развитие данного периода достигло в реформах 487/86 г., когда, согласно «Афинской политике», архонство стало доступно «всадникам», эти должности стали замещаться через *κλῆρονομία ἐκ προκρίτων* и был введен ostracism. Автор изображает острую политическую борьбу представителей знатных родов вокруг про- и антиперсидской ориентации, с одной стороны, с другой — за замещение руководящих политических должностей. Но для автора эта борьба почти лишена социального и политического содержания; это не борьба олигархов и демократов — этих партий, как таковых, для автора еще нет. Характерна в связи с этим та малая доля внимания, которая уделена автором деятельности Фемистокла в целом. Огромное историческое значение создания военного флота не отрицается, однако Хинет подчеркивает, что появление «корабельной черни», являвшееся неизбежным последствием создания флота, привело позднее афинскую государственность к разложению.

Чрезвычайно характерно это отодвигание автором Фемистокла на второй план, вопреки всем данным традиции и вопреки собственному, весьма интересному, основанному на сообщении Лисия, наблюдению автора, что в конце V в. было широко распространено представление о Солоне, Фемистокле и Перикле, как о наиболее крупных законодателях прошлого (стр. 305). Хинет не замечает основной политической проблемы в этой борьбе — проблемы формирования морской державы, взаимодействия этого процесса с внутривнутриполитическими отношениями в Афинах. Ложен поэтому тот признак, по которому автор устанавливает границы данного периода. Если «конституцию» Клисфена с большими оговорками можно назвать «демократией голплитов», то греко-персидские войны являются рубежом, за которым социальное и политическое развитие вступает в новый период. Началом этого периода можно считать именно деятельность Фемистокла, типичного представителя и вождя развивавшегося демоса. Хинет же усматривает, как мы видели, основное содержание конструируемого им периода в некоторых изменениях в органах управления, достоверность и смысл которых частью весьма сомнительны; его мысль работает в категориях «Политики» Аристотеля.

Глава восьмая называется «Революция 462 года». Реформы Эфиальта автор квалифицирует как «ниспровержение» конституции Клисфена, причем сама реформа, как указывает автор, характеризуется в источниках весьма смутно. Однако при таком критическом подходе к основному источнику, автор некритически повторяет, вслед за всеми своими предшественниками, сообщение «Афинской политики» о лишении ареонага власти, как об основной черте реформы. Станным образом автор считает сообщение «Афинской политики» о том, что ареонаг был лишен только узурпированных им прав, искажающей историческую действительность демократической версией, ибо Эфиальт якобы выступает в этом сообщении как восстановитель *πατριος πολιτεία*. Но почему в таком случае, спросим у автора, Эфиальт изображен в «Афинской политике» в карикатурном виде? Понятие *πατριος πολιτεία* сложилось в V в. как формула политической теории олигархов. Мы не встречаем этой формулы в политической литературе демократии не только V, но и IV века, ибо демократическая мысль IV века твердо стояла на позициях перикловой демократии. В этой весьма серьезной ошибке Хинета ясно сказывается отсутствие в буржуазной науке постановки самого вопроса о политической идеологии античной демократии. Критицизм Хинета не направлен, к сожалению, на выяснение самой сущности событий 462 г. Хинет еще более заостряет традиционную точку зрения на ареонага, как на главного стража существовавшей конституции, широкие полномочия которого были переданы

Эфиальтом совету пятисот и гелиее. При этом сам же Хинет совершенно правильно рассматривает ареопаг как сакральный судебный орган. Не говоря о том, что в самих этих утверждениях заключается противоречие, — почему в таком случае ни Геродот, ни Фукидид, ни даже Феопомп ничего не говорят о политической роли ареопага в истории Афин VI и V веков, в частности после греко-персидских войн? Хинет усматривает указание на широкие права по общему надзору за управлением государством и за финансами, якобы принадлежавшие ареопагу до 462 г., в известных нам ограничениях в данном отношении компетенции совета пятисот. Признавая все остроумие этого исследовательского приема, так же как и ряда других, применяемых автором при рассмотрении вопроса о правах ареопага, мы должны тем не менее напомнить автору о той идеализации ареопага, которая была характерна для государственной теории олигархов, и тем еще раз поставить с головы на ноги рассмотренный им выше тезис о *πατριος πολιτεία*. Правда, в IV в., в частности у Демосфена, мы встречаемся с возвышением ареопага, но именно только как древнейшего олицетворения судебной функции государства. Никакой конституционной реформы, и тем паче революции, в 462 г. не произошло: если изменение в компетенции ареопага называть революцией, то какое же диктаторское положение должен был занимать этот судебный орган! Но ведь даже «Афинская полития» ничего о подобном политическом положении ареопага не сообщает.

Имела место острая вспышка политической борьбы, знаменовавшая окончательную победу рабовладельческой демократии в ее борьбе за укрепление и расширение морской державы. Эта победа была связана с дальнейшим развитием государственных органов, которые сложились, как известно, ранее.

Таким образом, никакого «ниспровержения» конституции Клисфена в 462 г. не произошло; возникший при Клисфене политический строй оставался важнейшим звеном в развитии афинского рабовладельческого государства.

В следующей главе (IX) характеризуется период расцвета «радикальной демократии», причем во введении даются все признаки этой демократии, заимствованные из «Политики» Аристотеля. Со смертью Перикла начинается период «упадка и падения Афинской империи» (гл. X). В характеристике «радикальной демократии» автор мало оригинален. Следуя за политической теорией Аристотеля, автор сосредоточивает внимание на порядке замещения государственных должностей, рассматривая соотносительную роль выборности и жребия. Автор стремится подчеркнуть зависимость демократии от предшествовавшего аристократического государства; эта зависимость проявляется в выборности, в очередности занятия должностей, в том, что ответственные должности, требовавшие общей и специальной подготовленности, и в период правления радикальной демократии всегда замещались представителями богатства и знатности. В частности автор полагает, что стратеги не только фактически должны были быть богатыми, но якобы и формально для занятия этой должности требовалось владение землей в Аттике. Однако это весьма важное положение автор ссылками на источник не доказывает.

Весьма содержательно трактуются экклесия и буле. Наиболее интересным в этом разделе является постановка вопроса о границах компетенции экклесии, в частности — в какой мере она была связана постановлениями буле. Хотя Хинет не рассматривает роль экклесии с точки зрения ее оценок в древнегреческой политической литературе, но его внимание к вопросу о политической роли экклесии представляется весьма ценным. Вопрос о суверенности экклесии был весьма острым для идеологов афинской демократии; об этом говорит труд Фукидида, речи Демосфена. У этого последнего мы встречаем даже противопоставление авторитета дикастерия, опирающегося на присягу, безответственности экклесии, участники которой никакой присягой не связаны.

Характерно, что в этой главе ничего не говорится о роли демагогов. «Разрушительный характер правления демагогов» рассматривается в следующей главе — «Упадок и падение афинской империи». В этом сильно сказывается влияние на автора аристотелевых характеристик «крайней» (*τελευταια*) демократии. Перикл для Хинета не демагог, а скорее организатор своего рода принцепата. Всем демагогам времени Пело-

понижения автор отказывается в качествах, необходимых для афинского стратега; он говорит о том, что наступил разрыв между политическим влиянием и политической ответственностью, что было одной из главных причин упадка Афин. Автор не замечает, что, повторяя эту, типичную для буржуазной исторической литературы, характеристику, он повторяет вместе с тем одну из основных установок политической теории древнегреческой олигархии. Для объективно-научного понимания существа и исторической роли древнегреческой демократии необходимо прежде всего противопоставить этим, ставшим почти общепринятыми, олигархическим установкам установки политической теории древнегреческой демократии. Идя таким путем, мы можем указать автору, что никакого упадка афинская и общеэллинская демократия в V в. во всяком случае не испытала. Как показывает сам Хинет, демократия эта обнаружила совершенно исключительную устойчивость и как раз в период наибольшего обострения внутренних противоречий максимально развернула свое государственное строительство. В рассматриваемой главе автор посвятил интересный раздел «радикальной демократии после первого восстановления», т. е. в 410—404 гг., в котором широко использованы ценные сообщения Лисия. И после свержения тирании Тридцати Хинет, заключая книгу, характеризует восстановленную и внутренне укрепленную радикальную демократию как наиболее прочную и приемлемую форму правления, которая была сокрушена только чужеземным завоевателем. В чем же проявился в таком случае упадок демократии?

Автор почти совсем не связывает развитие афинской демократической государственности с афинской морской державой и не останавливается на том, как отразилось и отразилось ли вообще «падение империи» на политическом строе афинской демократии. В защиту автора надо сказать, впрочем, что вопрос о том, в какой мере можно связывать политическое единство афинской демократии с афинской морской державой, в буржуазной исторической науке по существу совсем не ставился. Следует отметить, что и Аристотель в «Политике» проблему имманентной связанности морской державы и крайней (τὸ ἐλευθερία) демократии, как известно, трактует весьма четко и развернуто. Совершенно очевидно, что это указание Аристотеля заслуживает при изучении политической истории Афин самого пристального внимания. Я указывал выше на необходимость критического подхода к сообщению «Афинской политии» о реформе Эфиальта с точки зрения борьбы за державу; тогда борьба Перикла и Фукидида, сына Мелесия, станет звеном в цепи одновременных событий политической истории Афин. С точки зрения роли державы необходимо рассматривать и события 411/410 и 404/403 гг., особенно эти последние, тиранию Тридцати. Следует отметить, что Хинет довольно подробно останавливается на функциях буле, связанных с управлением державой. «Но в период империи, — пишет Хинет, — наиболее важные и напряженные из обязанностей буле в этой сфере были те, которые проистекали из отношений между Афинами и подвластными им государствами». Он приводит интересный пример о специальном добавлении к присяге булевтов в связи с введением общей монеты, мер и весов в державе. Однако этот интересный материал совершенно не используется в качестве характеристики роли державы в политическом строе Афин. К приводимым автором данным следовало бы добавить соответствующий анализ функций дикастериев и экклесии.

В основном тексту книги автор дает 14 «приложений»; углубленных исследовательских экскурсов по отдельным проблемам, трактованным в основной части книги: экскурс «Пересмотр законов» в Афинах, где рассматривается во многом еще не ясный вопрос о законодательной процедуре в V в. и вопрос о пересмотре кодекса Солона в V в.; в экскурсе собран большой материал, но к определенному решению автор не приходит. Приложения II, III и IV касаются деятельности Солона: «Проблемы досолоновского государства и его организации» (стр. 305—316), «Дата законодательства Солона» (стр. 316—321) и «Способ выдвижения в архонтство и на другие магистратуры в VI в.» (стр. 321—326). Автор, с одной стороны, подчеркивает существование в досолоновской Аттике законодательного кодекса Драконта, заключавшего не только законы об убийствах, но по недостаточно убедительным соображениям решительно не допускает возможности существования в IV в. подлинного текста законов Драконта. Да-

лее несомненный интерес представляет экскурс о существовании в Аттике отдельного рода, носившего название «эвпатриды». Но Wade-Gery относит название «эвпатриды» в тексте фрагмента ко всему сословию знати и приходит к выводу, что другой упоминающийся в фрагменте род — гезихидов включал в себя и невпатридов. Совершенно очевидно, сколь существенное значение имеет эта контроверза для социальной истории Аттики.

В приложении IV автор стремится доказать, что законодательство Солона относится к концу 70-х годов VI в., и переносит в связи с этим описываемую в «Афинской политике» социальную борьбу между Солоном и Писистратом ко времени, предшествовавшему выступлению Солона. Однако аргументы автора не достаточно убедительны. Отрицание достоверности сообщения Плутарха о связи законодательной деятельности Солона с его архонтством не сопровождается никакими доказательствами и является совершенно недостаточным аргументом против текста «Афинской политики». Другой аргумент, что состав коллегии десяти 580—579 гг. из пяти эвпатридов, трех агройков и двух демиургов несовместим с цензовой «конституцией» Солона, также совершенно неубедителен — хотя бы потому, что восставшие массы ни в какой мере не должны были связывать себя солоновой «конституцией». В целом рассматриваемый исследовательский этюд надо признать неубедительным.

Писистратидам посвящен пятый экскурс — он носит просопографический характер и устанавливает на конкретных данных связь Писистрата со многими эвпатридскими родами, в частности с филлаидами. В экскурсе VI о дате реформы Клисфена (стр. 331—336) подробно анализируется та острая и сложная борьба, которая сопровождала реформы Клисфена. Следует заметить, что автор не уделяет должного внимания отношениям Клисфена к спартанскому царю Клеомену. Остаются неясными обстоятельства появления Клисфена в Аттике и начало его политического выступления; конечно, источники крайне скудны, но представляется необходимым точнее определить позицию и роль Исагора. Ценный материал собран в экскурсе «Закон о гражданстве 451/450г.» (стр. 343—347); автор указывает на наличие распространенной категории полуграждан *μοτοί*, которые были лишены прав наследования недвижимости, но политическими правами, по видимому, пользовались; вообще Хинет подчеркивает отсутствие ригоризма в применении этого закона. Он связывает такое положение вещей с развитием пролетариата в Афинах. Между тем важнее было обратить внимание на заключающуюся в этой проблеме регулировании гражданских прав классовую характеристику афинского демократического государства. В экскурсе XI «Стратегия: некоторые проблемы» рассматривается главным образом спорный вопрос о первом стратеге и его компетенции. Экскурс XII — «Революция 411 года» представляет целое исследование в крайне сжатой форме (стр. 356—378). Автор отдает полное предпочтение Фукидиду, отвергает все делавшиеся попытки согласования «Афинской политики» с текстом Фукидида, заявляя, что всякое разумное восстановление событий приводит к противоречию с «Афинской политией». Однако, стремясь к установлению фактов и их последовательности, Хинет совершенно забывает о сущности этих фактов; это приводит его к непоследовательности и противоречиям. Так, с одной стороны, он убедительно доказывает, что конституция 5000 в «Афинской политике» являлась «мертворожденным детищем», «утопией» и даже «произведением теоретика» (на стр. 377 он подвергает острой критике попытку Белоха рационализировать сообщение «Афинской политики»), с другой стороны — считает эту конституцию опубликованной и даже, в качестве политического маневра, вступившей в действие (стр. 375). Вместе с тем автор совершенно не исследует конституционный проект в «Афинской политике» с точки зрения его связей с теоретико-политической литературой; между тем такое исследование дало бы гораздо больше, чем вся та масса труда, которая вложена Хинетом в рассматриваемый экскурс. Экскурсы XIII и XIV посвящены «установлению власти Тридцати» (стр. 178—383) и «порядку событий во время правления Тридцати» (стр. 384—389).